

РАССКАЗЫВАЕТ УЧАСТНИК БОЕВ В ЮЖНОЙ ФРАНЦИИ ОФИЦЕР ВЕРМАХТА ГЕОРГ ГРОССДОХАНН (GEORG GROSSJOHANN)

ЛЕТО-ОСЕНЬ 1944 ГОДА

Среди нас, пехотинцев был хорошо известен такой девиз: «Наслаждайся войной, мир будет ужасным.» Мы провели несколько остававшихся перед вторжением [союзников] недель под средиземноморским солнцем Французской Ривьеры. Но все мы, особенно те, кто был из восточной части Рейха, были озабочены тем, что ожидало нас в будущем.

20 августа, вслед за интенсивным артобстрелом, 90 русских дивизий и 40 танковых бригад форсировали Прут и вторглись в Румынию. Затем, 24 августа, Румыния разорвала отношения с Рейхом и на следующий день объявила войну Германии. С уходом Румынии положение 6-й и 8-й Армий стало отчаянным. Новая 6-я Армия, воссозданная после Сталинграда, была полностью уничтожена, как и половина 8-й Армии. Было потеряно 16 немецких дивизий, и судьба 80 000 пропавших без вести так и осталась неизвестной. Все это дало нам возможность ощутить, насколько невероятной была удача, подарившая нам шанс покинуть Румынию заблаговременно.

198-я Дивизия заняла оборонительные позиции в огромном секторе средиземноморского побережья, протягивающегося от Пириней почти до дельты Роны. Мой полк оказался на самом южном участке: его правый фланг упирался прямо в испанскую границу.

Мой коллега Майер (Majer) расположился в усадьбе Шато Вальми/Chateau Valmy близ города Перпиньян/Perpignan, находившейся в живописной местности у подножия Пириней. Моя несколько более скромная резиденция называлась Maison Rouge. Она стояла у дороги из Перпиньяна в Кан-Пляж/Kanet-Plage. В дополнение к шумихе вокруг широко разрекламированного Атлантического Вала Министерство Пропаганды иногда упоминала Средиземноморский Вал. Мой полковник-коротышка Невигер (Newiger), вероятно, так прокомментировал бы это: «Ну, хорошо, если вы хотите, называйте это Валом!» Я не в курсе, было ли построено что-либо, что можно было бы назвать «укреплениями» на участке обороны моего полка. Наши предшественники построили простенькие блиндажи, которые не выдержали бы обстрел артиллерии самого малого калибра. Лично я, оказавшись под огнем, предпочел бы зарыться в песок, а не искать укрытие в таком блиндаже. Некоторые из них, хотите верьте, хотите нет, были построены из кирпича и покрыты штукатуркой...

Представители организации Todt (OT) присутствовали в Перпиньяне и иногда появлялись [на участке обороны], что-то осматривая, но этим их активность и ограничивалась. Иногда я посещал офис OT в Перпиньяне, чтобы обсудить проблемы с качеством наших укреплений. Единственным результатом этих визитов было то, что я как-то пригласил очаровательную секретаршу на экскурсию в городок Портбоу/Portbou на испанской стороне. Поскольку Испания оставалась нейтральной, могло случиться так, что кого-то из нас могли усадить за один стол с англичанами или американцами. К нам, немцам в военной форме, испанцы всегда относились с особым уважением. В любом случае, я и одной песеты не смог истратить во время моего

визита в Портбоу: за все платили любезные испанцы. Из-за своего приграничного положения Портбоу, предположительно, притягивал агентов [спецслужб] обеих сторон, которые, могло показаться, знали друг друга. К моему столу [в ресторане] подошел молодой человек и попросил разрешения заговорить со мной. Он сказал, что моя компаньонша находится под наблюдением Гестапо по подозрению в шпионаже. Я счел это чепухой. Когда он потребовал, чтобы я немедленно вернулся со своей дамой в Францию, я заявил, что вернусь вечером, как запланировано, но не раньше. Мы обменялись резкими выражениями, и больше я о нем никогда не слышал. После того, как я доложил об этом моему полковнику, он позвонил в отделение Гестапо и дал жару местному оберстштурмфюреру, которому подчинялся этот агент. Мой полковник мог себе это позволить, потому что был близким другом Генриха Гиммлера...

Моя компаньонша позднее говорила мне, что знала это парня и что он неоднократно пытался подкатиться к ней в Перпиньяне. Вот в чем было дело!..

15 августа 1944 г. противник успешно высадил три американские пехотные дивизии и воздушный десант на южном побережье Франции. Малочисленные немецкие войска, к тому же понесшие тяжелые потери от огня корабельной артиллерии и воздушных атак противника, не были в состоянии противодействовать им. Высадившиеся войска союзников наступали по трем направлениям. Наиболее мощная боевая группа наступала в направлении Тулона и Марселя: союзники стремились захватить эти порты для последующего их использования. Вторая боевая группа наступала через Прованс/Provence в направлении Гренобля, не встречая сопротивления. Третья группа нацелилась на Ниццу, но столкнулась с упорным сопротивлением близ франко-итальянской границы и была остановлена. Наступающих американцев и французов поддерживали отряды Сопротивления. Говорили, что их ряды насчитывают 24 000 человек.

По моему опыту, партизаны появлялись только там и тогда, когда риск для них самих был невелик. Обычно они нападали на небольшие немецкие арьергардные отряды, в основном, из засад. Но и в этом случае Германское Верховное Командование (OKW) дало статус комбатантов тем из партизан, которые будут придерживаться двух условий: (1) действовать в составе отрядов и (2) носить четко различимую нарукавную повязку, идентифицирующую их как бойцов. Однако партизаны избегали открытых столкновений. Вместо этого, позиционируя себя в качестве гражданских лиц и не используя нарукавные повязки, они занимали скрытые позиции и ждали своего шанса для нападения и исчезновения. Во время отступления вверх по долине Роны немецкие солдаты все время пропадали без вести. Наиболее частыми жертвами атак «бойцов Сопротивления» становились одиночные вестовые или связисты, которых отправляли на ремонт телефонных линий.

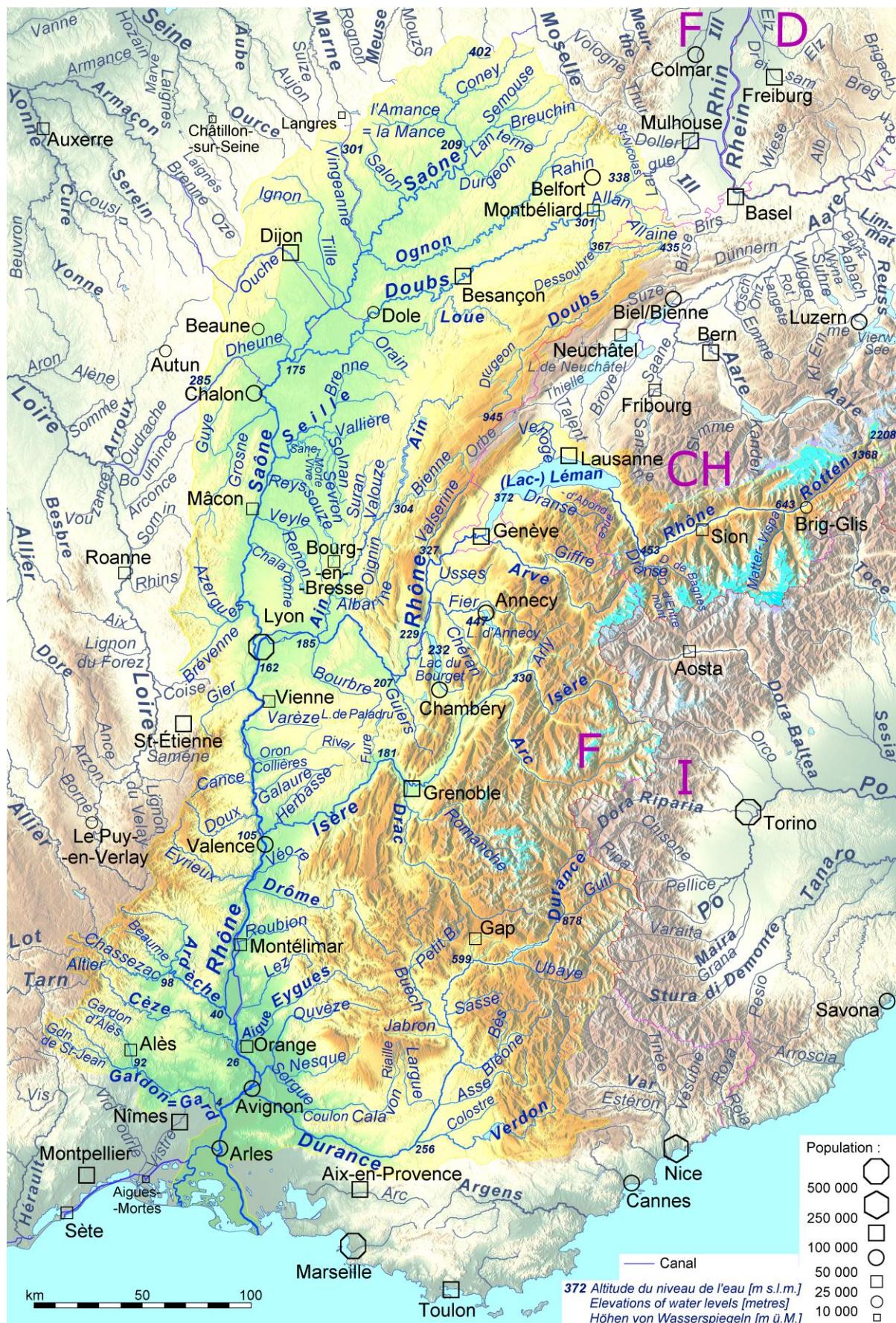
Я отчетливо помню один такой случай. Я послал вестового-мотоциклиста с еще одним солдатом на командный пункт полка. Им предстояла пересечь небольшой перелесок, но через короткое время они вернулись, не добравшись до места назначения. Они попали под огонь одетых в гражданскую одежду людей, и один из наших получил пулевое ранение в бедро. Через полчаса или около того какой-то молодой француз прошел мимо одиноко стоявшего дома, в котором находился мой командный пункт. Сначала мы не обратили на него внимания, но вестовой-мотоциклист подскочил и закричал: «Да это один из тех самых братьев!» Вскоре после этого молодой человек стоял передо мной, бледный, как полотно, вероятно, понимая, что его ожидает. При обыске у него нашли американский Кольт/Colt калибра 0.45, ручную гранату и, в конечном итоге, белую нарукавную повязку с Лотарингским Крестом – эмблемой Сопротивления. Во время допроса он признал, что полчаса назад стрелял в немецких солдат в соседнем лесу. Он был схвачен, когда пытался оценить нашу численность по заданию командира своей группы, которая собиралась уничтожить нас вечером того же дня. Военно-полевой суд немедленно

приговорил его к смертной казни, и он был сразу после этого расстрелян. В общем, французские партизаны с крайней неохотой шли на открытое боестолкновение, не хотели подвергать себя большой опасности и не завоевали какого-либо восхищения с нашей стороны...

Бойцы Сопротивления в городском бою. Южное побережье Франции, 1944 г.
<http://warfarehistorynetwork.com/daily/rampage-on-the-river-operation-dragoon/>

До того, как американцы и французы высадились в Южной Франции, наш полк был переброшен в окрестности порта Сен/Сет, предположительно, потому, что вышестоящее командование ожидало, что союзники высаживаются именно здесь. После успешного [для союзников] начала высадки нас сняли с этого участка и на автобусах перебросили восточнее. Мы пересекли долину Роны близ города Арль/Арслес, чтобы встретить наступавших на Тулон и Марсель американцев и, по крайней мере, замедлить их продвижение. Штаб нашей дивизии переместился в город Экс-ан-Прованс/Аix-en-Provence. Наш полк был развернут в районе к югу от этого города. Мост через Рону, расположенный к северу от Авиона/Avignon, был разрушен еще до высадки союзных войск, преимущественно действиями авиации противника.

Физико-географическая карта южной части Франции и района боевых действий 198-й Дивизии Вермахта в августе-сентябре 1944 г. (F – Франция, I – Италия, D – Германия, CH – Швейцария)

Две наиболее боеспособные германские части, 11-я Танковая Дивизия и 198-я Пехотная Дивизия, были развернуты именно не на том берегу Роны, на котором было нужно это сделать. Это может проиллюстрировать то, насколько незначительным был эффект от присутствия здесь немецких оборонительных позиций! Угроза нависла над всеми тыловыми частями в Южной Франции и тылом Армейской Группы G: им, в результате намечавшегося разгрома Армейской Группы В в Северной Франции, могли просто отрезать путь к отступлению через Бургундский Проход (горный проход в северной части бассейна Роны (*The Burgundian Gate* или *The Belfort Gap* (англ.), *Trouée de Belfort* (фр.), *Burgundische Pforte* (нем.)). Но, насколько я знаю, ничего не было сделано для того, чтобы хотя бы удалить этот «балласт» заблаговременно, еще до начала боевых действий в секторе обороны 19-й Армии. Единственная приличная дорога, идущая по левому берегу Роны, в итоге, оказалась полностью заблокированной отступающими тыловыми частями!

Как и командующий 19-й Армией, я стал бы беспокоиться о тыловых частях только в том случае, если бы возникла необходимость подвезти какие-то грузы к линии фронта. Я бы приказал им не путаться под ногами и дать возможность боевым частям свободно перемещаться. Попытка остановить наступление американцев и их союзников-французов на Тулон и Марсель провалилась. 305-й Пехотный Полк продержался только два дня в бою против 45-й Пехотной Дивизии американцев. Наш 308-й Пехотный Полк и пехотный (*Füsillier*) батальон 198-й Пехотной Дивизии сражались далее к северу в долине небольшой реки Дюранс/*Durance* против 45-й Пехотной Дивизии американцев. Поскольку пропускная способность мостов и паромов была недостаточной, 326-й Пехотный Полк даже не сумел переправиться через Рону, чтобы вступить в бой. Поразительно, но 18 августа было получено разрешение Верховного Командования на отступление в сторону горного массива Вогезы/*Vosges* (междуречное пространство, отделяющее верховья бассейна Роны от бассейна Рейна – ВК).

20-22 августа Тулон и Марсель уже были окружены противником, который 23 августа вышел к Греноблю, не встречая по пути никакого сопротивления. Опасность того, что 19-я Армия будет полностью отрезана, стала грандиозной. К северу от города Монтелимар/*Montelimar* лесистые предгорья Французских Альп спускались прямо к долине Роны. Здесь и примерно в 20 км к северу противник пробивался к Роне.

Вероятно, я не был одинок в своем непонимании того, почему командование 19-й Армии развернуло две свои единственных представлявшие боевую значимость дивизии на восточном берегу Роны. Можно было не сомневаться в том, что мы не сможем противостоять имевшему огромное численное преимущество противнику, и уже через два дня нам пришлось отступать на север в ускоренном темпе.

Тулон и Марсель пали 28 августа, при этом мы понесли тяжелые потери в живой силе и технике, но уже к 25 августа, после форсированного марша, 11-я Танковая Дивизия и наша 198-я Пехотная Дивизия заняли позиции к востоку от Монтелимара, готовые к контрудару, нацеленному на то, чтобы сбить американцев с их позиций на входе в долину Роны. Однако наша контратака была остановлена интенсивным огнем артиллерии американцев. Мой полк сражался близ города Созе/*Sauzer*, а наш сосед справа, 326-й Пехотный Полк, сражался в районе городка Бонльё/*Bonlieu* в долине реки Рубьон/*Roubion*. 305-й Пехотный Полк прикрывал нас с юга.

Заслуживает интереса доклад американцев о данном сражении:

Немцы атаковали вытянутые вдоль реки Рубьон позиции 36-й Дивизии в самом их слабом месте – в районе Бонльё – и смяли находившихся там саперов. Эта атака также разделила 141-й и 142-й пехотные полки. Попытки 1-го Батальона 141-го Пехотного Полка и боевой группы Butler заблокировать шоссе Route Nationale 7 в районе городка Ла Кукурд/La Coucourd не имели успеха. Поскольку 141-й Пехотный Полк находится под постоянным давлением и не в состоянии контролировать высоты к северу и северо-востоку от Монтелимара, подкрепления будут переброшены в направлении города Крест-на-Дром/Crest-sur-Drome. Артиллерия и авиация поддержат войска в их попытках заблокировать противнику пути отступления вверх по долине Роны.

Будучи непосредственным участником боев в качестве командира батальона и свидетелем этих событий, я должен сказать, что вышеприведенное заявление командующего силами американцев и по сей день остается вне моего понимания. Кто смог бы 25 августа оказать такое давление на 141-й Полк, занимавший позиции непосредственно напротив меня? Я со своими солдатами, из которых примерно сотня человек оставалась в строю? Я согласен только с последним предложением из вышеприведенного: американская артиллерия и несколько десятков Jabo (штурмовиков – ВК) в самом деле причинили катастрофический ущерб отступающим колоннам снабжения и тыловым частям. С моей точки зрения, американцы должны были попытаться спуститься в долину с занимаемых ими высот, расположенных над долиной Роны к северу от города Монтелимар и вступить в бой. Они могли бы загнать нас в котел, но, слава небесам, нашим противником не были русские!

Я не верю в то, что на западном берегу Роны находились сколь-нибудь значимые силы противника, не считая отрядов Маки (Maquis). Даже эти партизанские группы, тем не менее, не стали бы проблемой для двух дивизий (11-й Танковой и нашей 198-й Пехотной): их бы смели или просто обошли бы в должном порядке. И по сей день я не знаю, почему мы перешли на восточный берег Роны.

Успех высадки союзников в Нормандии показал, что концепция Роммеля, заключавшаяся в непосредственной защите пляжей (береговой линии), вовсе не являлась наиболее дальновидной. Противник добился успеха в десантировании, несмотря на наличие сильных укреплений, больших минных полей и построенных на пляжах препятствий разного типа, хотя и понес существенные потери. С учетом нашего опыта по преодолению линии Мажино в 1940 г., мы должны были научиться лучше оценивать значимость укреплений, хотя условия для обороны средиземноморского побережья ни в коем случае нельзя было сравнить реалистичным образом с условиями Атлантического побережья. На Средиземноморье за слабыми прибрежными укреплениями вообще ничего не было построено. Было очевидно, что эта линия обороны будет прорвана в первой же атаке. В этой связи, какой смысл был в том, чтобы подставлять эти позиции под определенно разрушительный удар? Как показали события в северной Франции, оборона побережья южной Франции в краткосрочной перспективе вообще не имела никакого смысла. Менее чем через две недели таким и стал результат оборонительных боев 19-й Армии против высадившегося на побережье южной Франции противника...

Оборонительные позиции к востоку от устья Роны были сметены в течение нескольких часов. Десятки тысяч немецких солдат были убиты, ранены или попали в плен. Колossalное количество бесценных военных материалов, таких как вооружения и транспортные средства, было потеряно. С обоими так называемыми «узлами обороны» - Тулоном и Марселеем – было покончено. Две отличные, вполне боеспособные дивизии, понесли тяжелейшие потери только для того, чтобы дать время тыловым частям скоропалительно отступить на территорию Германии, да и то, так или иначе, в ограниченном масштабе... Если бы во время продвижения флота союзников [к побережью] мы отвели бы от побережья все боеспособные части, не обремененные тыловиками, и потом ввели бы их в бой вне за пределами зоны обстрела корабельной

артиллерией, мы смогли бы занять более гибкие позиции для ведения боевых действий. Высадившийся противник ворвался бы в пустое пространство, но понес бы более тяжелые потери позднее.

Но, что касается последнего года войны, вероятно, справедливым является высказывание генерала Ханса Кисселя (Hans Kissel) о потенциальных возможностях германского руководства в целом. Казалось, эти люди отключились и забыли все уроки, столь хорошо выученные ими в начале войны. Определенно, на этом этапе, в строю осталось мало из числа тех, кто пережил первое или даже второе поколение бойцов Вермахта...

Поскольку 19-я Армия остро нуждалась в большей части ресурсов 11-й Танковой Дивизии для того, чтобы удерживать шоссе Route Nationale 7 открытым для продвижения наших колонн к северу от Монтелимара, 27 августа наша дивизия осталась в одиночестве, сражаясь как арьергард на подступах к этому городу. К 28 августу обороняемый нами участок стал сжиматься все сильнее... Стоит упомянуть одно из событий, которое произошло в дни боев близ Монтелимара. Рано утром 27 августа мой адъютант, кавалер Рыцарского Креста с Дубовыми Листьями оберфельдфебель (Oberfeldwebel), позднее – лейтенант Кристиан Браун (Christian Braun) добровольно, как обычно, вызвался пойти с несколькими солдатами в разведывательный дозор. В России он отличался способностью брать языков, разрезая провода полевой связи и поджидая в засаде посланных на их ремонт. Это срабатывало раз за разом. И теперь, уже через час, он и его солдаты вернулись с целым взводом захваченных в плен американских пехотинцев, среди которых было двое офицеров. Он рассказал нам, что ранним утром американцы собирались умыться после ночлега в одиноко стоявшем доме. Брауну понадобилось сделать только два выстрела в дверной проем и громко прокричать, чтобы они сдавались. Это оказалось достаточно, и в итоге в плен сдалось больше 30 американцев.

Когда дозор вернулся вместе с пленными, я предложил двум офицерам сигареты и по стакану вина, но они отказались – так их, вероятно, научили в период боевой подготовки. У них были свои сигареты. Что касается вина, то они могли подумать, что мы хотим отравить их нашим вином или просто не хотели брать что-то из того, чего не было предложено их людям. Они оказались примерными военнопленными. Они никуда не пытались сбежать, когда мы порывались на север следующим утром. Поскольку мне никакого проку от них не было, я предложил им подняться вверх по склону и уйти к своим, но они отказались, сказав: «Нет, сэр, теперь мы – военнопленные!» Все, о чем они просили, было побыстрее переправить их в более спокойное место – пожелание, которое я не мог выполнить. Когда нас атаковали с воздуха их же штурмовики, американцы разбегались в разные стороны, но после этого все возвращались и садились мне на шею. Только тот народ, который рассчитывает на свое колоссальное материальное превосходство и уверен в том, что война кончится в его пользу, может позволить себе посыпать в бой бойцов такого уровня. Но, разумеется, в других случаях мы приобретали и другой опыт в боях с американцами.

Утром 28 августа я получил из полка приказ, касающийся прорыва на север, запланированного на утро 29 августа. К северу от устья реки Дром/Drome долина Роны расширяется. Следовательно, наиболее трудный отрезок длиной примерно 20 км нам предстояло пройти между Монтелимаром и устьем этой реки. Из-за этого приказа моему батальону при поддержке нескольких танков предстояло отступать через возведенность, расположенную к востоку от шоссе Route National 7. Танки должны были присоединиться к нам рано утром. Я сразу же забеспокоился, потому что не видел смысла в том, чтобы продолжать бои с гораздо лучше оснащенными американцами. Все, что было нужно сделать, это добраться до северного берега реки Дром и, по возможности, без потерь. Мой полковник, привыкший к подобным ситуациям еще в

России, как и я, разделял мою точку зрения, но заявил следующее: «*Grandjean* (полковник явно исказил фамилию автора воспоминаний на французский манер – ВК), это – приказ генерала, поэтому вы ничего не можете с этим поделать. Он собирается прорываться по этому же маршруту.» - Я ответил: «Господин полковник, я подожду до завтрашнего утра, посмотрю, каковы будут обстоятельства, и буду действовать в соответствии с ними!» Он выразил свое согласие.

Я приказал своим ротным командирам держаться как можно дальше от противника утром следующего дня и собраться на моем командном пункте. Те, кто не сможет по какой-либо причине прибыть вовремя, будут пробиваться самостоятельно. Направление прорыва знают все, поэтому встретимся к северу от устья Дрома на шоссе *Route Nationale 7*. На рассвете все собравшиеся у меня на командном пункте были готовы к маршу, надеясь, что удастся обойти без боестолкновений. Мы все еще ждали обещанные танки и еще не подошедших командиров рот. К назначенному времени на месте была только часть моего батальона, некоторые его подразделения увязли в стычках с американцами. Когда через полчаса после назначенного времени танки так и не появились, я приказал всем построиться в колонну и начинать марш. Наш путь пролегал не по высотам, расположенным над Роной, а прямо вдоль борта долины, под которым находились поросшие высокой травой и кустарником болота. Я понимал, почему не появились танки: для них продвижение по возвышенности с ее узкими дорогами с густыми зарослями по обе стороны было бы особенно опасным...

Под вечер мы пересекли долину Дрома без особых происшествий по дороге. Я не был удивлен тем, что во время прорыва мой дивизионный командир и многие офицеры его штаба угодили в плен, и случилось это на том пути, который предназначался для меня. Гораздо позднее мне в руки попала старая американская газета, в которой этот захват группы пленных был описан подробно. Когда американский солдат появился из кустов, чтобы взять командира дивизии в плен, тот потребовал, чтобы ему дали возможность сдаться офицеру. Разумеется, я не могу судить, насколько правдивой в описании этого случая была американская армейская газета, но тот факт, что наш командир уделил большое внимание хорошим манерам, прозвучал реалистично.

После «отбытия» Рихтера подполковник (*Oberstleutnant*) *Freiherr von Finck* (Фрайхер фон Финк), начальник оперативного отдела, принял командование дивизией. Ситуация была непростой как для нашего 1-го Батальона, так и для 1-го Батальона 326-го Пехотного Полка. Последний в ожесточенном бою отбил у противника и вновь занял город *Ла-Кукурд*, открыв этим важную дорогу для нашего дальнейшего отступления. Капитан (*Hauptmann*) *Дрезель* (*Dresel*), позднее павший в бою, был награжден за этот бой Рыцарским Крестом. Теперь оставшаяся часть Дивизии могла пересечь долину Дрома без заметных потерь. Вся Дивизия потеряла при выходе из окружения около 1500 человек.

31 августа Дивизия заняла оборонительные позиции на реке *Изер/Isere*. В городе *Валанс/Valence* мы пополнили запасы продовольствия на огромном складе, принадлежавшем Вермахту. Местные французы, тем временем, стояли поблизости в ожидании, когда последний немецкий солдат покинет склад и появится возможность поживиться. Как всегда, мы оставили здание склада в целости и сохранности...

2 сентября мы промаршировали через *Лион/Lyon*, расположенный в 140 км к далее к северу. Вдоль дороги, по которой мы отступали, стояли тысячи французов, но лично я не заметил каких-либо проявлений враждебности к нам. К северу от Лионса мы продолжили свой марш по долине реки *Соны/Saone* и после нескольких утомительных переходов закрепились на новой линии обороны к северо-востоку от города *Шалон-на-Соне/Chalon-sur-Saone*, расположенного на реке *Ду/Doubs* – западном притоке Соны.

Полковник (*Oberst*) Отто Шиль (*Otto Schiel*), немолодой джентльмен из персонала Верховного Командования, принял командование Дивизией 3 сентября. Он был энергичным человеком. 1 октября он получил звание генерал-майора. Майор Грауэр (*Grauer*) стал новым начальником оперативного отдела, заменив фон Финка, с которым произошел несчастный случай...

Американцы осторожно следовали за нами вдоль долины Роны и, затем, вдоль долины Соны. К западу, между этими долинами и швейцарской границей, там, где маки просто выстелили американцам красную кровяную дорожку, американцы продвигались вперед довольно быстро. Наступая, они иногда пытались пробиться из французской части горного массива Юра (*Жура*)/*Jura* в долину реки Ду. Мой батальон отступал далее к западу и промаршировал через известный на весь мир винодельческий город Бон/*Веаипе*, где я впервые побывал весной 1943 г. В этом городе у меня произошла удивительная встреча.

Мы остановились ненадолго в центре городка и с несколькими из моих людей решили выпить по стакану вина на террасе ресторана. Когда меня увидела французская официантка, обслуживающая нас, она чуть не уронила поднос. Хорошенькая молодая женщина была подругой моего товарища, когда мы стояли в Дижоне/*Dijon* в 1943 г., и она со своей сестрой бывала в гостях у меня несколько раз. Я сразу понял, насколько жуткой была для нее ситуация. В тот момент, разумеется, никто в этом городе не знал о том, что она была подругой немецкого офицера. Когда я оплачивал счет, она шепнула мне, что ее немецкий возлюбленный погиб в России...

К тому времени, исходя из моего опыта, я полагал, что со стороны среднего француза в период оккупации было больше коллаборационизма, чем сопротивления. Во Франции, как и у нас дома, до и после 1945 г., всегда находились информаторы, которые по своим паскучным причинам готовы были сдать своих соотечественников или своим, или немецким оккупационным властям. Это была одна из причин коллаборационизма. Кроме того, было много французов, которые ненавидели коммунизм и которые, вероятно, без восторга смотрели на то, что может случиться с ними, если немцы будут побеждены на Востоке. Что касается первой группы, то никто не был огорчен тем, что они позднее были наказаны. Что касается второй группы, то необходимость сурового наказания была более чем сомнительной...

Вероятно, те, кто судил их, верил в то, что честь Франции будет восстановлена смертными казнями или долгими тюремными сроками. Некоторые из этих людей были, на самом деле, виновны только в том, что установили более или менее нормальные отношения с оккупантами. Могло быть так, что они, следуя своим убеждениям, пошли на установление прочных отношений с немцами, оставаясь французскими патриотами. Франция проиграла войну против Германии в 1940-м, но ведь не потеряла свою честь!

То, что делали с французскими женщинами, было особенно отвратительно. Наиболее жестоким и бессердечным было то, как поступали с французскими женщинами, единственным преступлением которых было то, что они вступали в любовные отношения с немцами. Обычно им брали волосы на голове или коротко их стригли. Их унижали, избивали, выгоняли из родных деревень. Для мужчин-французов, которые принимали в этом участие, это могло быть выражением примитивной ревности. Очевидно, нужно понимать, что любой переворот поднимает на поверхность темные стороны души человека. Мы тоже шельмовали людей самым жестоким образом, и не только после 1945-го...

Сразу после освобождения на улицах Марселя: женщину, обвиненную в «горизонтальном» коллаборационизме, стригут наголо. Зрители ликуют...

<http://www.vintag.es/2015/07/pictures-of-collaborator-girls-in-world.html>

Наша Дивизия переместилась на новые позиции в долине реки Ду. Сектор фронта, удерживаемый нашим Корпусом, протягивался от Шалон-на-Соне до города Безансон/Besanson. К 8 сентября линию фронта пришлось спрямить и укоротить из-за многочисленных прорывов американских танков. На следующее утро наша оборонительная линия уже протягивалась вдоль притока Соны - реки Оньон/Ognon и отстояла от реки Ду на расстояние от 5 до 20 км. 8 или 9 сентября мой коллега, майор Майер, вместе со своим адъютантом был ранен огнем американского танка и попал в плен. Позднее, когда он вернулся в свой родной Штутгарт, Майер рассказал мне, что американские медсестры позаботились о нем выше всяких похвал. Без пенициллина, которого в то время у нас просто еще не было, он, скорее всего, просто умер бы от полученных ранений.

В дни боев, в первой половине сентября, я побывал в трех ситуациях, из которых извлек уроки. Первый опыт был удачным, второй – под вопросом, третий – немного необычным.

Я расположил нескольких солдат, вооруженных панцерфаустами, над проездом под железнодорожным мостом. Неожиданно мы увидели приближавшийся к проезду джип с четырьмя американцами, которые явно не видели перед собой никакой опасности. Он остановился метрах в десяти от проезда, и солдаты начали выгружаться из машины. Двое моих солдат уже нацелили свои панцерфаусты на джип, когда я шепнул им, чтобы они стреляли не в сам джип, а в пространство сразу за ним. Через несколько секунд

раздались два взрыва, и американцы замерли. Когда мы прокричали им, что нужно сдаваться, они двинулись вперед с поднятыми руками. Позднее они сказали нам, что считали, что наши позиции находятся гораздо дальше на север, и поэтому не ожидали, что попадут под огонь из засады. Мы отвезли джип и пленных на мой командный пункт. Старший из них был упитанным рыжеволосым майором, по-видимому, ирландского происхождения. Он и его товарищи не были столь чувствительны, как те американские лейтенанты под Монтелимаром. Мы хорошо выпили с ними, и в тот момент я был столь «богат», что мог предложить им на выбор виски или французский коньяк. «Предпочитаю виски,» - сказал рыжий. Обыскав машину. Мы нашли карты с планами ведения огня американской артиллерией. Наш майор явно не был «мелкой рыбешкой», а был, вероятнее всего, артиллерийским офицером из дивизии, которая нам противостояла. Разумеется, американским солдатам разрешили оставить у себя все, что он и считали своей личной собственностью, но это не относилось к картам. Я их забрал себе.

Несколько лет спустя я встретил этого майора в Германии, в городе Бад Тельц/Bad Tölz. Мы обменялись какими-то фразами, но я меня сложилось впечатление, что та наша короткая встреча не была для него особенно приятной. Ну и, кроме того, вторая встреча случилась вскоре после войны.

Второй опыт, оставшийся под вопросом, был таким. Позднее, когда у нас руках оказалось определенное количество пленных американцев, один из них спросил у нас, нет ли возможности для него переговорить со старшим офицером. Я тогда говорил по-английски так себе, но скоро стало ясно, что же беспокоило этого GI. «Сэр, я – еврей!» - сказал он мне. Я ответил ему, что по мне так он всего лишь американский военнопленный. Кроме того, я был абсолютно уверен, что ни с одним американцем не будут обращаться как-то по-особому по этой причине. Антисемитизм для меня не был проблемой. В моей родной Восточной Пруссии мой отец вел бизнес с евреями, когда они появлялись у нас на ферме, чтобы купить шкуры [домашних животных] или металлом. Моя тетя Хелен несколько десятилетий работала главным бухгалтером на данцигской сигаретной фабрике. Она дружила с хозяином-евреем и его семьей. Предполагаю, что часть рождественских подарков, которые она приносила нам каждый год, были преподнесены ей семьей Боргов. Моя первая жена, до того, как мы поженились, была ученицей на складе, которым владели евреи.

Необычный опыт: мне часто приходилось видеть, как немецкие 88-миллиметровки, танки, самоходки или противотанковые пушки уничтожали вражеские танки, и, сама собой, как уничтожали наши танки. В тот раз я стал свидетелем того, как играли в игру, новую для меня... Прямо напротив позиций, занятых нашим отделением тяжелой пехоты, в густых зарослях кустарника неожиданно появились американские танки. Короткоствольные 150-миллиметровки мы использовали только при стрельбе с большим углом возвышения. Оказавшимся в необычной ситуации расчетам пришлось найти способ защитить себя, поэтому они открыли огонь по танкам прямой наводкой. Не знаю, приходилось ли кому-нибудь делать что-то подобное до нас. Расстояние до танков было ненамного больше 50 метров. Эффект от такого огня был сокрушительным. После прямых попаданий два танка буквально влетели на воздух, тогда как другие, находившиеся за ними, стали сдавать назад. К сожалению, этот удачный опыт в дальнейшем повторялся все реже.

Находясь в непрерывных боях, 15 сентября Дивизия отступила к западному подножию Вогезов через городок Люр/Lure. Для того, чтобы вы поняли, что осталось от Дивизии после месяца боев, я скажу, что в 1-м Батальоне 308-го Пехотного Полка в строю оставалось 22 человека, включая двух офицеров. Один из командиров этого батальона был тяжело ранен и попал в плен к американцам, второй был убит в бою тремя днями позднее. Третьему за неделю командиру, капитану Бенгелю (Bengel), служившему в

Дивизии с первых дней ее формирования, оставалось жить всего несколько недель. 6 октября, в ходе контратаки, он был тяжело ранен и вскоре умер в полевом госпитале...

Просто невозможно описать в деталях, что происходило в тех боях между Шалоном-на-Соне и случившимися позднее боями к западу от городка Жерарме/Gerardmer. В мою память особенно врезался один эпизод, случившийся близ Люра. Мои солдаты принесли тяжелораненного товарища, живот которого был разорвана осколком снаряда. Поскольку нам нужно было отступать, мы стали думать о том, как транспортировать его с собой. Мы расчистили заднее моего джипа и уложили его там. Бедный парень был в полном сознании и страдал от невыносимой боли. Большая часть батальона уже была на марше, мы не могли немедленно показать его врачу. Как только джип тронулся в путь, раненый начал выть от боли, поэтому мы осторожно вытащили его из машины и положили на землю. Мы стояли, беспомощно глядя на него, когда из соседнего дома вышла молодая француженка – думаю, местная учительница. Она дала нам понять, что солдат вот-вот умрет, и нет смысла мучить его. Она обещала нам, что останется с ним до конца и позаботится о том, чтобы его похоронили на местном кладбище. Когда мы тронулись в путь, в рассстроенных чувствах, она сидела на земле, а голова парня лежала у нее на коленях...

On the Bloody Road to Berlin. Frontline Accounts from North-West Europe and the Eastern Front, 1944-45. (Edited by Duncan Rogers and Sarah Williams). 2005

<http://warfarehistorynetwork.com/daily/rampage-on-the-river-operation-dragoon/>

Георг Гроссгоханн (1911-1992), участник сражений в Польше и Франции (1939-40), на Советско-Германском (1941-44) и на Западном фронтах (1944-45), оставил воспоминания о ВМВ – книгу *Five Years, Four Fronts*.